

Светлана
АЛЕШИНА

НОВАЯ
КНИГА

Дурной

ПРИМЕР
заразительен

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

TV журналистка

Светлана Алешина

Дурной пример заразителен

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Дурной пример заразителен / С. Алешина — «Научная книга», 2005 — (TV журналистка)

У Ирины Лебедевой – ведущей популярного ток-шоу «Женское счастье» – опять сорвался прямой эфир. Во время передачи скончалась одна из зрительниц, попробовав... обыкновенного мороженого! Как установила экспертиза, в стаканчик с лакомством кто-то подмешал цианистый калий. Вряд ли это сделала сама героиня программы – Татьяна Бурлаева, генеральный директор хладокомбината, предложившая зрителям мороженое в качестве угощения. Скорее всего, тут замешан кто-то из конкурентов или врагов самой Татьяны. Но что это за враги? И пока их разыскивает милиция, Лебедева тоже пытается вести свое расследование. Кто быстрее выйдет на след преступников – органы правопорядка или неугомонная тележурналистка?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлана Алешина

Дурной пример заразителен

Глава 1

Он бросил на нее полный ненависти взгляд. Казалось, что перед ним стоит заклятый враг. Столько злобы было в его глазах. Кулаки невольно сжимались. Он не любил скандалов, но на этот раз был вынужден выяснять отношения. Так жить дальше нельзя! На серьезный разговор он решился только сегодня, хотя давно уже нужно было поставить все точки над і.

Нет, расставаться с ней он не хотел. И кому он еще нужен? Когда-то в молодости по нему сохли почти все девушки. Он очень долго выбирал единственную, любимую, с которой стоило бы связать всю свою жизнь. Именно поэтому к пятидесяти годам у него за плечами уже было три брака, два из которых закончились разводами. И никогда ему еще не было так больно, как сейчас. Может быть, это и есть любовь?

Семью он старался сохранить всеми силами. Конечно, он знал, что когда-нибудь ему придется столкнуться с подобными проблемами. А о чем еще должен был думать сорокапятилетний мужчина, который берет в жены двадцатилетнюю девушку? Нет, она не могла выйти замуж за него по расчету. Он никогда не замечал в ее глазах подозрительного блеска при виде денег, хотя был довольно состоятельным человеком. Не так чтобы очень, но на благополучную жизнь им хватило. Она, может быть, даже любила его... По крайней мере, первые десять лет их семейной жизни были настолько счастливыми, что он и она просто млели от счастья. А потом все завертелось, закрутилось... Ей захотелось попробовать чего-то нового, погулять немного. У человека всегда возникает ощущение, что чего-то для настоящей жизни ему не хватает.

Когда она однажды пришла поздно с работы, неумело объясняя, что была у подруги на дне рождения, он молча выслушал ее и даже не возразил, делая вид, что поверил. Он надеялся, что этого больше не повторится, но, по всей видимости, сильно ошибался. Поздние приходы стали все чаще и чаще. У него не осталось никаких сомнений: у жены есть любовник.

И даже это он готов был ей простить. Какое-то время он терпел ее гуляния. Но теперь все. Дальше так продолжаться не может. Пора поставить вопрос ребром. Или он, или тот незнакомец.

– Ой, прости, пожалуйста, – защебетала жена уже с порога, механически поцеловав мужа в щеку. – На работе такой завал. Я никак не могла вырваться.

– Я тебе уже говорил, что ты можешь и не работать, – заметил муж, пропуская ее в прихожую. – И зачем тебе нужен это бизнес?! Ты же видишь, что ничего не получается, конкуренция слишком серьезная. Бизнес – это мужское дело. Слава богу, что в свое время я хорошо в этом разобрался и смог заработать себе на достойную жизнь.

– Ну вот, а я еще ничего не заработала, – неожиданно поддержала она его, встряхнув шапкой темных, коротко стриженных волос, которые тут же легли на место, красиво обрамляя миловидное личико. – У меня все еще впереди.

– Разве я тебе не даю денег? – спросил муж.

– Я тебе за это очень благодарна, – тут же отозвалась жена, ступив на лестницу, чтобы пройти на второй этаж. – Но мне же хочется все попробовать самой. Ты у меня много добился в этой жизни, а теперь дай свободу мне...

– Как раз о свободе я и хотел поговорить, – перебил жену муж и схватил ее за руку, чтобы она не прошла дальше.

– Да, дорогой, – с готовностью ответила женщина и спустилась вниз, чтобы быть наравне с мужем. – Только, может быть, не здесь, а то уже поздно, я устала.

– Нет, здесь и сейчас, – неожиданно резко ответил он, проявив совершенно глупое упорство.

В конце концов, какая разница, где он поставит ее перед выбором. Может быть, в его любимом рабочем кабинете этот разговор мог бы и продолжиться. Но в данный момент ему хотелось возразить ей, он и возразил. Жена заметила раздражение и гнев мужа, хотя даже и не догадалась о причинах.

– Хорошо, только не волнуйся. Тебе же нельзя волноваться на ночь глядя. Потом будет мучить бессонница, – заботливо произнесла она. – Что случилось?

– Мне надо с тобой серьезно поговорить, – начал муж, бросив на нее недоверчивый взгляд. «Можно ли в этот вечер рассчитывать на ее откровенность?» – подумал он. – Я все знаю. Хотя ты, может быть, и считаешь меня дураком, глупым ревнивцем, но я знаю, что у тебя есть любовник.

Женщина хотела было открыть рот, чтобы возразить мужу, но он резко одернул ее:

– Нет, молчи, выслушай хоть раз меня. Я не желаю знать грязных подробностей. Я вообще ничего не хочу знать. Пора уже кончать с этим.

– Ты опять начинаешь. Опять твои глупые подозрения...

– Нет, на этот раз выбирай: любовник или я, – выпалил муж, схватив жену за руку и не давая ей подниматься вверх по лестнице.

– У меня никого нет, кроме тебя, – спокойно сказала женщина. – Мне, кроме тебя, никто не нужен. Я так завалена работой, что не могу приходить рано... Ты же сам знаешь, что бизнес требует почти полной отдачи.

– Да, но не ночью, – огрызнулся муж.

– Еще только десять часов вечера, это не ночь, – поправила его жена. – Я никогда позже не приходила. В конце концов, у тебя есть номер моего телефона. Я всегда отвечаю на твои звонки.

– Конечно, когда с ним кувыркаешься в постели, – добавил он, презрительно хмыкнув.

– У тебя большая фантазия, – произнесла жена. – Пойдем спать, я так сегодня устала...

Женщина высвободила свою руку из руки мужа и пошла вверх по лестнице. Сколько же можно, в конце концов, объяснять ему, что у нее нет никакого любовника. Наверное, опять выпил... Ну что же делать, если времени на семью на самом деле не остается!

– Нет, ты никуда не пойдешь, – крикнул муж раздраженно и бросился за ней по лестнице. – Мне надо с тобой поговорить.

– Не сегодня, я очень сильно устала, – произнесла жена с надеждой, что муж после этого отстанет от нее.

– Устала?! А я не устал? – с гневом произнес мужчина, поднимаясь по лестнице за своей женой. – Сколько можно... Неужели ты не понимаешь, что ломаешь семью. Остановись! – раздраженно крикнул он ей вслед. – Я с тобой разговариваю?!

Женщина даже не обернулась. Мужчина сделал рывок, проявил необычайную ловкость и в секунду перемахнул через несколько ступеней. Жена была так близко от него и в то же время так далека!

Руки вцепились в ее красивые, чуть оголенные плечи. Он хотел развернуть ее к себе, чтобы продолжить разговор здесь и сейчас. Она резко обернулась... Послышался звук скатывающегося по лестнице тела и крик жены и...

Все было кончено!

Аплодисменты в студии постепенно стихли. Татьяна Анатольевна Бурлаева улыбнулась, обнажив ряд белоснежных зубов. Героиня моей программы «Женское счастье» сегодня была королевой бала. Зрителей в студии она покорила с первого взгляда. Это было заметно по настроению зала, который чуть ли не после каждого ответа героини благодарил ее аплодис-

ментами. Мне же только оставалось следить за диалогом Татьяны Анатольевны со зрителями, время от времени вставляя реплики, которые были предусмотрены сценарием.

На моей памяти было не так много программ, которые проходили так успешно. Иногда мне приходилось просто плясать перед зрителями, чтобы возбудить у них интерес к героине. Сейчас же этого совершенно не требовалось. Вопросы сыпались со всех сторон, и Лера Казаринова, помощник режиссера, которая во время эфира находится в студии, не успевала передавать микрофон желающим высказаться.

– Татьяна Анатольевна, скажите, пожалуйста, а какое у вас образование? – с интересом спросила молодая дамочка с первого ряда.

– Я закончила с отличием экономический институт совсем недавно, – отозвалась с готовностью Татьяна Анатольевна, как будто бы она ожидала этого вопроса. – Когда я поняла, что знаний мне не хватает, чтобы расширить свое дело, я поступила на заочное отделение. Сейчас у меня уже есть диплом экономиста. Я считаю, что надо быть профессионалом своего дела.

– Конечно, вы правы, Татьяна Анатольевна, – поддержала героиню другая зрительница, схватившая микрофон. – Но ведь наверняка вы сначала ничего не понимали в бизнесе. Расскажите, как вы начинали без денег, без связей...

– Не совсем без денег, – честно призналась Татьяна Анатольевна. – На пустом месте очень сложно построить свой бизнес. У меня был начальный капитал, который я скопила за время работы на одном предприятии руководящим работником. Уже тогда у меня появились идеи, но воплотить их в жизнь не было возможности. Я очень долго не решалась начать свое дело. Риск – дело благородное, но совершенно бездумно рисковать я не хотела. Когда же проанализировала потребности рынка, соотнесла расходы и доходы, просчитала выгоду, то поняла, что пора действовать. Пока я закупила оборудование для хладокомбината, набрала штат сотрудников, прошло еще несколько месяцев напряженной работы. А я все делала сама, чтобы потом и все шишки сыпались на меня. – Татьяна Анатольевна слегка улыбнулась. – Первоначально хладокомбинат состоял всего из нескольких цехов по производству мороженого, но потом мне пришлось расширяться, чтобы выжить в условиях конкуренции. Сейчас у нас налаженное производство, которое уже не дает сбоев. А сначала было очень тяжело.

– Татьяна Анатольевна, у нас есть сюжет, который мы сняли на вашем комбинате, и сейчас он уже готов в эфир, – произнесла я, дождавшись, когда Бурлаева закончит свой рассказ.

Внимание зрителей переключилось на небольшой экран.

Татьяна Анатольевна тоже повернулась к нему, чтобы посмотреть отснятый нашей операторской группой материал. Хладокомбинат состоял из нескольких корпусов, мы проводили съемку в центральном, где как раз и размещалось все производство.

Холодильные установки, сырьевые базы, конвейеры... Когда я первый раз пришла на хладокомбинат, у меня совершенно не было представления о том, как делают мороженое, поэтому производственные агрегаты по его изготовлению казались мне просто устрашающими.

Павлик Старовойтов, наш оператор, очень хорошо смонтировал материал. В результате из двухчасовой экскурсии по цехам получился короткий, но очень содержательный сюжет, который комментировала сама Бурлаева. Ее голос за кадром был спокойным и приятным.

– А здесь у нас осуществляется сортировка сырья по контейнерам, – объясняла Татьяна Анатольевна, указывая на один из цехов. – Все делает машина под управлением человека. У нас на предприятии работают квалифицированные технологи, которые следят за процессом. Отсортированное сырье поступает в...

Я отвлеклась от рассказа Бурлаевой и обвела взглядом студию. Зрители не отрываясь смотрели на экран. Галина Сергеевна, режиссер программы «Женское счастье», стояла в стороне и показывала мне, что до конца еще четверть часа. Я слегка кивнула ей, показывая, что поняла.

– ...цех фасовки, где готовое мороженое распределяется в стаканчики или пластик, – продолжала Татьяна Анатольевна. – Все опять же делает машина. Ручной работы от фасовщиц требуется минимум. Мороженое пакуется в коробки, отправляется на склад готовой продукции, а затем уже поступает в магазины, на торговые точки...

Рассказ Татьяны Анатольевны закончился практически одновременно с сюжетом. Зрители в студии, как по команде, перевели свой взгляд на Бурлаеву. Татьяна Анатольевна же молчала, разговор продолжила я.

– Уважаемые зрители, Татьяна Анатольевна приготовила небольшой сюрприз для вас. Подарочную партию мороженого, которое было изготовлено сегодня, доставили в нашу студию. Угощайтесь, пожалуйста.

После этих слов в студию вошли две длинноногие девушки с подносами в руках, на которых были расставлены пластиковые стаканчики с мороженым. На каждой порции специально была приклеена красочная этикетка с логотипом программы «Женское счастье». Гости, не стесняясь, брали себе по порции. Некоторые даже распаковали стаканчики прямо в студии. У нас в редакции в холодильнике тоже оставалось мороженое, привезенное Бурлаевой, – коллектив редакции собирался полакомиться им после программы. Подносы с мороженым опустели практически мгновенно, и длинноногие красавицы продефилировали на выход.

– В студию поступил телефонный звонок от наших телезрителей, – сообщила я, отреагировав на знаки Галины Сергеевны.

После обыкновенной в таком случае переключки прозвучал приглушенный женский голос немного с хрипотцой.

– Татьяна Анатольевна, а расскажите немного о своей личной жизни. Вы замужем? Дети есть? – прямо спросила дозвонившаяся телезрительница. – Спасибо, до свидания.

Татьяна Анатольевна немного встрепенулась, но тут же ответила на вопрос довольно-таки коротко.

– Я не замужем. У меня есть сын. Он уже взрослый, учится в юридическом институте.

Слава богу, что дальше эту тему зрители на развивали. По реакции Бурлаевой было видно, что ей не очень приятны вопросы о личной жизни. Если вполне успешным бизнесом Татьяна Анатольевна могла похвалиться, то в личной жизни, насколько мне было известно, у нее не все шло так гладко.

– Спасибо большое за угощение, – поблагодарила одна из зрительниц героиню. – А расскажите немного о своем свободном времени. У вас есть хобби? Чем вы увлекаетесь?

– Времени свободного очень мало, – призналась Татьяна Анатольевна. – Когда выдается свободная минутка, я провожу время на кухне. Очень люблю готовить, особенно...

Бурлаева не смогла продолжить фразу до конца, так как в студии раздался громкий крик. Я тут же переключилась на произошедшее. В самом центре предназначенных для зрителей рядов почти мгновенно опустели места, открыв сидевшую одиноко полную женщину. Кричала, по всей видимости, она, но сейчас крик стих, и женщина сидела неподвижно, опустив вниз голову. Камеры отвернулись, чтобы не пропустить эту сцену в прямой эфир.

Я бросилась к рядам и не успела добраться до зрительницы, как она повалилась набок, словно это был не живой человек, а манекен. Лицо женщины было искажено гримасой.

В рядах зрителей послышалось перешептывание, прерываемое голосом Бурлаевой, у которой не отключили микрофон.

«Боже, ужас-то какой. Что с ней? Она больная?»

«Умерла, наверное», – послышалось со всех сторон.

Я никак не могла поверить увиденному, но было похоже на то, что женщина на самом деле мертва. Галина Сергеевна первой прошла к ней, прощупала пульс, а затем бросила на меня встревоженный взгляд.

«Неужели на самом деле скончалась?» – подумала я.

– «Скорую» срочно, – скомандовала Моршакова.

И только после этого среди зрителей в студии началась паника. Все повалили на выход, и удержать людей было невозможно, несмотря на то, что Галина Сергеевна просила не поднимать паники.

– Ирина Анатольевна, это моя подруга, – откуда-то сбоку послышался тихий женский голос.

Я обернулась. Передо мной стояла худенькая низенькая женщина лет пятидесяти, которая беспокойно вертела в руках платок.

– Я ее знаю, – бормотала она, указывая на зрительницу, которая по-прежнему лежала в зрительном зале.

– Что случилось? – поинтересовалась я.

– Н-не знаю, – растерялась женщина. – Мы с Верой сидели в студии, потом ей вдруг стало плохо... Она тяжело задыхалась, потом крикнула. Я вскочила... Что с ней?

– Не знаю, я же не врач, – отозвалась я, наблюдая за Галиной Сергеевной, которая не отходила от пострадавшей, осматривая ее кресло.

– Она ела мороженое... Больше ничего... – растерянно бормотала моя собеседница. – Я тоже его ела. О, боже!

Мысль об отравлении пронеслась в голове и у меня. Неужели мороженое оказалось отравленным? Нет, этого не может быть. Ведь, кроме этой женщины, больше никто не пострадал, и если бы вся партия была отравленной, то... Мне не хотелось думать о том, что могло бы произойти в прямом эфире моей программы.

– Может быть, у нее были какие-нибудь хронические заболевания и случился приступ, – предположила я, обращаясь к женщине, которая нервно вздрагивала, еле сдерживая слезы.

– Нет, ничего не было. Ее отравили! – в отчаянии крикнула подруга погибшей.

– Надо дождаться медиков. Рано еще делать выводы, – решительно сказала я и направилась к Галине Сергеевне, но меня остановила Бурлаева.

– Ирина Анатольевна, что случилось? Что с ней произошло? Я вообще уже ничего не понимаю, – взволнованно проговорила она. – Прямой эфир программы сорван? Что случилось?

– Неужели вы сами не видите? – немного резко ответила я Татьяне Анатольевне. – Отравление, и, между прочим, вашим мороженым.

– Мороженым? Этого не может быть... Никогда такого не было. Я не виновата. Вы уверены, что она отравилась?

– Нет, у этой дамочки просто слабые нервы, и она скончалась от чрезмерной радости при виде мороженого, – откровенно съязвила я.

– Почему вы так со мной разговариваете? – тоже довольно резко сказала Татьяна Анатольевна, что немного отрезвило меня.

В конце концов, в чем она на самом деле виновата? Не сама же Бурлаева убила эту зрительницу. Надо взять себя в руки, приказала я себе и резко сменила тон общения:

– Извините, я немного погорячилась. Неприятная ситуация.

– Еще бы! – поддержала меня Татьяна Анатольевна, простив мне повышенный тон. – Программа сорвана. И у меня теперь появится куча проблем. Как она могла отравиться таким безобидным продуктом?

– Отравиться можно чем угодно, если подсыпать немного яду, – заметила я.

– Яд? В мороженом? – удивленно проговорила Татьяна Анатольевна. – Как он туда попал?

– А вот это сейчас и выяснят сотрудники правоохранительных органов.

В студию вошли трое молодых людей, которые, судя по их форменной одежде, являлись работниками милиции. Они быстро сориентировались в студии и направились к зрительским рядам, где находилась скончавшаяся женщина, от которой ни на шаг не отходила Галина Сер-

геевна Моршакова. Остальные сотрудники нашей редакции столпились неподалеку, перешептываясь друг с другом.

Следом за милицией прибыли и медики, которые тут же бросились к женщине. Пока врачи занимались пострадавшей, сотрудники правоохранительных органов о чем-то дотошно расспрашивали Галину Сергеевну. Худенькая женщина, которая представилась мне подружкой скончавшейся, тоже разговаривала с ними.

– Ирина, опять вляпались?! – то ли спросил, то ли констатировал факт Павлик Старовойтов.

Я только кивнула ему головой, наблюдая за манипуляциями медиков.

– Мы-то ладно, а вот вам, Татьяна Анатольевна, теперь придется худо, – заметил Павлик. – Тетка-то, по всей видимости, траванулась. И не чем-нибудь, а мороженым...

– Пока еще ничего не известно, – отозвалась я на замечание Павлика и направилась к Галине Сергеевне, которая продолжала беседовать с сотрудниками правоохранительных органов.

– Значит, вы сами лично ничего не видели? – уточнил у нее молоденький лейтенант с коротко стриженными волосами.

– Нет, разве можно было проследить за каждым зрителем в зале, – ответила Галина Сергеевна, качаяв головой из стороны в сторону.

– Я, я все видела, – торопливо отозвалась худенькая женщина. – Я сидела с ней рядом. Я – ее подруга.

Лейтенант тут же повернулся к ней. Галина Сергеевна больше его не интересовала.

– И что же произошло? – спросил он у незнакомки.

– Программа была... Телефонный звонок, потом Татьяна Анатольевна на вопрос отвечала... – сбивчиво рассказала женщина.

– Это мы и без вас знаем, – перебил ее сотрудник правоохранительных органов. – Как вела себя во время передачи убитая?

– Убитая? Веру убили? – растерянно прошептала женщина, интуитивно отпрянув назад.

– Извините, я тороплю события, – вежливо поправился лейтенант, что было немного неожиданно. – Следствие все покажет. Расскажите: как вела себя во время программы потерпевшая? Что говорила, делала?..

– Ничего не говорила, – уверенно ответила женщина. – В студии же нельзя разговаривать, чтобы не создавать помех в прямом эфире. Вера себя вела... – Незнакомка задумалась, не зная, как продолжить фразу, а затем выпалила: – Она вела себя так же, как и все зрители. А потом нам принесли мороженое. Она открыла стаканчик, даже крышечку положила себе в сумку на память. Мы стали есть мороженое, а потом она закричала... Ей стало плохо.

– Ирина, нас к себе Кошелев вызывает, – прошептала мне на ухо Лера Казаринова.

– Евгений Иванович? – удивилась я, так как обычно в это время нашего непосредственного начальника на рабочем месте уже не было. Прямой эфир программы «Женское счастье» начинается в семь часов, а рабочий день заместителя главного редактора ГТРК уже заканчивается к этому времени.

– Он самый, – кивнула головой Лера. – Сейчас нам влетит. Евгений Иванович просил всех зайти к нему немедленно.

– А Галина Сергеевна уже знает? – покосилась я в сторону Моршаковой.

– Знает. А что, по ней не видно?

Галина Сергеевна стояла как в воду опущенная и беспokoйно вертела в руках папку со сценарием столь ужасно прошедшей программы. Кто же знал, что прямой эфир сорвется по причинам, которые совершенно от нас не зависели. Никто не мог предвидеть, что одной из зрительниц в студии станет плохо. Дар ясновидения у работников нашей редакции отсутствовал напрочь. А как хотелось бы всегда встречать такие неожиданности во всеоружии.

– И чтобы больше такого безобразия не было, Ирина Анатольевна! Вы совершенно безответственно относитесь к своим обязанностям, – умело копируя низкий баритон нашего начальника, сказал Павлик Старовойтов, когда мы после разбора полетов в кабинете Евгения Ивановича возвратились к себе в редакцию. – А вы, Галина Сергеевна... Разве не в ваши обязанности входит руководство аудиторией в зале?

Такое ощущение, что Павлик издевался над нами, повторяя вновь и вновь ключевые фразы разговора с Евгением Ивановичем, в ходе которого я молчала, так как знала, что возражать Кошелеву совершенно бесполезно. И только Галина Сергеевна обычно на таких совещаниях вступалась за честь редакции на правах старой подруги Евгения Ивановича. Они когда-то начинали работать вместе на ГТРК, поэтому до сих пор Моршакова позволяет себе называть Кошелева просто по имени.

– Женя, но кто же мог подумать, что так все получится, – спародировал Старовойтов довольно-таки неумело голос Моршаковой.

– Павлик, хватит, – остановила его Лера Казаринова, заметив, с каким недовольством посмотрела на дурачества Павлика Галина Сергеевна. – И без тебя тошно.

– Что же нам теперь, повеситься, что ли, – вскрикнул Павлик. – Я считаю, что ничего страшного не случилось. Подумаешь, отравилась тетенька. Мало ли в городе несчастных случаев происходит ежедневно. И отравления, между прочим, не редкость.

– Но не в прямом эфире телевидения, – добавила мрачно Галина Сергеевна.

– Кстати, а где Татьяна Анатольевна? – вспомнила я о нашей героине, бросив взгляд на высокое кресло в кабинете, в котором обычно восседают героини наших программ после прямого эфира. На этот раз место пустовало. Я даже забыла попрощаться с Бурлаевой, когда уходила из студии в сопровождении своих коллег на ковер к Кошелеву.

– Ирина Анатольевна, надо было ее предупредить, чтобы нас дождалась, – с опозданием посоветовала Казаринова.

– А вы что, не видели, как ее дяденьки милиционеры из студии увели под белые ручки, – хмыкнул Павлик.

– Татьяну Анатольевну? А зачем? – не поняла Лера.

– Как это зачем? Ведь она же во всем виновата...

– Павлик, не говори ерунды, – с укором посмотрела в сторону Павлика Галина Сергеевна, поправляя свою прическу перед зеркалом. – Сама Бурлаева, что ли, яд в стаканчики добавляла?

Павлик неопределенно пожал плечами. Он хотел было потянуться к бару, где у нас всегда стоит бутылочка коньяку, но затем передумал. Обычно мы после программы устраиваем небольшой фуршет с участием героини программы, чтобы снять напряжение после прямого эфира. И на столе в такие моменты всегда стоит бутылочка коньяка. Нет, мы не то чтобы устраиваем пьяные дебоши на рабочем месте. Выпиваем-то всего по рюмочке.

Коньяк помогает расслабиться, но сейчас нам даже этот напиток не помог бы.

– Черт! А мороженое-то вкусное какое, – причмокнул Павлик и подошел к холодильнику, где хранились наши порции мороженого, привезенные с хладокомбината Бурлаевой. – Я еще до прямого эфира попробовал.

– Ну и как? – поинтересовалась Лера.

Этот вопрос из уст Казариновой прозвучал по крайней мере странно, так как сама Лера постоянно сидит на диетах и питается только сухофруктами и минеральной водой без газов. Конечно, это не весь ее рацион, но при мне Казаринова никогда не ела ничего другого. Лера – приверженец отдельного питания, низкокалорийной диеты и вегетарианства... Короче, она любит все то, что нормальный человек и едой-то не считает.

– Пока еще не умер, – ответил на ее вопрос Павлик, открыв дверцу холодильного шкафа. – Даже хочется еще...

– Чего? Мороженого? – фыркнула Лера. – Павлик, а вдруг и те порции, что у нас в холодильнике, тоже отравлены? Я даже не притронулась к ним.

– Да ты и так бы не стала есть мороженое, – заметила я.

– Правильно, потому что оно содержит очень много калорий, а витаминов в нем практически нет. Мороженое само по себе отравно для организма.

– Конечно, и та женщина умерла от переизбытка калорий, – хохотнул Павлик, достав с полки несколько порций. – Кто еще будет?

Мы с Галиной Сергеевной почти синхронно покачали головами из стороны в сторону. Может быть, в этих порциях мороженого и нет яда, но пробовать его не хотелось. Я что-то не очень люблю игру в русскую рулетку. А это почти одно и то же. Как узнать, не в твой ли стаканчик положили ложечку-другую цианистого калия?

– Пашка, ты чего это? Решил покончить жизнь самоубийством? – донесся голос с порога.

Валера Гурьев, который работает репортером «Криминальной хроники» на областном телевидении, частенько бывает в нашем кабинете. Непосредственно рабочими обязанностями он с редакцией программы «Женское счастье» никак не связан, но проводит с нами почти все свободное время. Дело тут скорее в личной симпатии и привязанности. Мы с Валерой знакомы давно и, кажется, надолго. Он частенько выпутывал меня из всевозможных передряг благодаря своим обширным знакомствам практически по всему городу. Валера знает все и всех.

– И ты туда же. Весь аппетит испортили, – буркнул недовольно Павлик и поставил обратно в холодильный шкаф все порции.

– Ничего, переживешь, – машинально ответил Валера и обратился ко мне: – Ирина, спасибо тебе за материал для «Криминальной хроники». У нас сейчас как раз затишье в работе. Такое ощущение, что все бандиты города уже пойманы. А тут такое происшествие, причем почти в прямом эфире. Это же сенсация.

– Ничего себе сенсация! Вот когда Евгений Иванович закроет «Женское счастье», тогда будет сенсация, – заметила я. – Он сегодня так на нас кричал. Такое ощущение, что это мы яд подсыпали.

– Ну и правильно. Ваша сахарно-ванильная программа уже всем порядком надоела, – усмехнулся Гурьев. – Подумаешь, всплакнул над ее безвременной кончиной несколько домохозяек нашего города.

– А ты и рад! – упрекнула его Моршакова. – Нельзя наживаться на ошибках своих товарищей.

– Я не наживаюсь, – парировал Валера. – Мне какой сказали материал подготовить, такой я и сделал. Кстати, успел кое-что новенькое узнать. Вам интересно?

– Что новенькое? – спросила я.

– В одном из стаканчиков с мороженым, по предварительным предположениям экспертов, на самом деле был яд, – важно сказал Валера.

– Это мы и без тебя знали, – отозвался Павлик.

– Доза была очень большой, поэтому смерть наступила почти мгновенно, – продолжил Гурьев, не обращая внимания на замечание Старовойтова. – Если бы отравы было чуть меньше, то пострадавшую можно было бы спасти.

– А какой именно яд был в стаканчике? – спросила Галина Сергеевна.

– Какой-то цианид. Это пока по результатам предварительной экспертизы, – уточнил Гурьев. – Когда проведут основательное исследование, определят точно. Скорее всего это цианистый калий.

– Где же его преступники взяли? – заинтересовалась Лера.

– Скорее всего у каких-нибудь торговцев всякой такой гадостью, – предположил Павлик. – Можно найти каналы продажи ядов.

– Конечно, можно, – согласился Валерка. – Но это для милиции осложнит поиски преступников. Обычно такие покупки никак документально не оформляются.

– А чего его искать? Разве и так не понятно, кто эту женщину отравил? – хмыкнул Старовойтов, многозначительным взглядом обвел всех нас и, не дождавшись вопросов, продолжил: – Сама Бурлаева. Вы же помните, как Татьяна Анатольевна настойчиво предлагала нам угостить зрителей в студии продукцией своего хладокомбината. Я тогда еще подумал, что она это специально советует в рекламных целях.

А чья была идея пометить партию мороженого, которое доставят в студию для прямого эфира? Опять же Бурлаевой. И менты тоже за нее не просто так схватились. Если бы она была совершенно ни при чем, то ее бы не увезли в милицию для объяснений.

Мы все дружно переглянулись, не ожидая от Павлика такой версии, которую он еще и сумел подкрепить вполне весомыми аргументами. А ведь Павлик прав. Сама же Бурлаева была инициатором угощения гостей в студии. Я совершенно не почувствовала в этом никакого подвоха, поэтому с радостью согласилась, когда Татьяна Анатольевна предложила и стаканчики украсить.

– Чувшь все это, Павлик, – первой подала голос Лера Казаринова после затянувшейся паузы. – Зачем надо было Бурлаевой травить совершенно незнакомую ей женщину? То, что она предложила привезти в студию продукцию своего хладокомбината, вполне логично. Все героини стремятся чем-то похвалиться в прямом эфире. Если мы приглашаем какого-то дизайнера, то он показывает свою коллекцию, флориста – он украшает студию цветами, парикмахера – тут же эксперименты с прическами. А украсить партию мороженого для программы она хотела не со зла, а от чистого сердца. Татьяна Анатольевна старалась, чтобы все прошло на высшем уровне. А то, что за нее сотрудники правоохранительных органов принялись, так это же вполне логично. Бурлаева – владелица хладокомбината, кому, как не ей, отвечать за свою продукцию.

– Молодец, тезка, – похвалил Казаринову Валера. – Все по полочкам разложила.

– А если не сама Бурлаева, то кто? – немного обиженно спросил Павлик, и в редакции опять повисло тягостное молчание.

Действительно, кому надо было убивать несчастную женщину? Причем именно во время прямого эфира? Кто осмелился перехватить партию мороженого и добавить в лакомство яд?

Я совершенно терялась в догадках. Похоже было, что и у коллег не было никаких версий на этот счет. Лицо Валерия выражало полную растерянность, Казаринова хмуро морщила лобик, а Павлик беззаботно раскачивался на стуле.

– А женщину-то жалко, – произнесла Лера с сожалением в голосе. – Может быть, ее-то именно и хотели убить? Так все точно подстроили...

– Кстати, менты основные свои усилия направили именно в эту сторону. Сотрудники правоохранительных органов сошлись во мнении, что именно эту Веру и хотели прикончить. Они уже выяснили, кто она по профессии, замужем, не замужем, все такое... – рассказал Валера, недовольно хмыкнув.

– Вот и хорошо, – радостно воскликнула я. – Это как раз их работа. А мое дело – помочь героине, которая по моей же вине оказалась в такой передрыге. А потом, честь программы тоже подпорчена! Эту женщину, конечно, жалко. Не хотела бы я оказаться на ее месте. Такая нелепая смерть, – вздохнув, произнесла я. – Но Татьяне Анатольевне даже помочь некому. Ведь сотрудники правоохранительных органов, может быть, виновной ее считают. А я уверена, что Бурлаева ни в чем не виновата. А уж если мне удастся найти убийцу...

– Ага, размечталась, – присвистнул Павлик Старовойтов. – Это не так-то просто. Кто знает, кто мог решиться подсыпать яд в продукцию хладокомбината?

– Я знаю, – неожиданно произнесла Моршакова с важным видом, хотя Павлик даже и не ждал, что кто-то из работников редакции откликнется на этот риторический вопрос. – Это же так очевидно. Я даже знаю, как его найти.

– Вы знаете? – чуть ли не хором воскликнули мы все вместе.

Галина Сергеевна вообще всегда отличалась сообразительностью и богатой фантазией. Она постоянно предлагала почти мистические версии произошедшего. В основном во всех смертных грехах она винила инопланетян. Такое ощущение, что эти милые зеленые гуманоиды только и делают, что истребляют род человеческий. Так, наверное, и есть, по мнению Моршаковой. Поэтому когда Галина Сергеевна предупредила, что у нее есть версия произошедшего, я тут же подумала о том, что сейчас еще одно преступление будет записано на счет инопланетных существ.

– Нет, это не инопланетяне, – сразу же предупредила нас Галина Сергеевна, и мы с облегчением выдохнули. – Это маньяк! Знаете, я в одной газете читала, что есть такие люди, которые испытывают неимоверное удовольствие, когда наблюдают за смертью с экрана. Ну, любители триллеров, фильмов ужасов и прочей ерунды. А в последнее время, после всяких разговоров психологов, таких фильмов стало меньше. Вот этот маньяк и решил разнообразить себе жизнь таким способом.

Мы молчали. Пожалуй, эта версия была даже круче версии об инопланетянах. Не было слов даже возразить Галине Сергеевне, только Павлик втихомолку хихикнул.

– А что! – продолжала Галина Сергеевна. – Я даже знаю, как этого типа можно найти. Надо связаться с психбольницами нашего города. Если этот любитель острых ощущений уже дошел до убийств, значит, он клинически болен и стоит на учете в психоневрологическом диспансере. Достаточно только выяснить, как удалось ему подложить цианид...

– Все, хватит, Галина Сергеевна, – первым не выдержал Валера. – Вы, конечно, женщина умная, но чтобы до такого додуматься...

– Что? – возмутилась Моршакова, но тут же произнесла спокойным тоном: – Сами потом будете жалеть, что не послушали меня.

В чем уж я точно была уверена, так это в том, что к этой версии мы никогда не вернемся. Но тем не менее вопрос оставался не разрешенным. Галина Сергеевна своим предположением только развеселила нас. Неужели Моршакова на самом деле так думает?

– Да-а-а... Бурлаева влипла по самое не хочу... – задумчиво произнес Павлик Старовойтов, покосившись на пустующее кресло героини.

– Все дело в конкуренции, – неожиданно сказал Валера. – Ведь после такого публичного происшествия не каждый решится купить продукцию ее хладокомбината. Разумеется, снизится объем продаж. Возникнут финансовые проблемы. А там уже недалеко и до разорения.

– Какие конкуренты? – удивилась Лера Казаринова. – Разве хладокомбинат Бурлаевой не единственный в городе?

– Нет, конечно, – отозвался Гурьев. – Я знаю еще по крайней мере два предприятия, которые работают в этой отрасли производства.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я знаю все! – важно сказал Валера. – Есть еще огромный комбинат, который находится на окраине города. Там тоже производят мороженое. Я, кстати, немного знаком с генеральным директором этого предприятия. Елена Егоровна Коневская училась со мной в одной группе...

– Ты, кажется, учился на филологическом факультете в университете, – перебивая его, напомнила Галина Сергеевна. – Его выпускники очень редко идут в бизнес.

– Ну, не скажите, Галина Сергеевна, – протянул Гурьев. – В бизнес идут все, кому не лень. А Лена у нас проучилась всего два года, а потом бросила учебу. Кажется, она поступила в экономический институт. Она еще тогда начинала заниматься бизнесом. А теперь вон как развернулась.

– Что же ты до этого молчал? – набросилась на него Лера. – Мы бы твою Коневскую пригласили на программу.

– А у меня никто ничего не спрашивал, – отмахнулся Валерка.

– Ну вот, ты с ней и поговоришь насчет нашего происшествия, – тут же сориентировалась я, обращаясь к Гурьеву. – Может быть, Елена Егоровна что-то знает.

– Это именно она-то и подстроила отравление, – выдвинул новую версию Павлик. – Чего с ней разговаривать, к ней ментов вызывать надо. Чистосердечное признание, как говорится...

– Я все выясню, – с готовностью отозвался Валерка и тут же добавил: – Только завтра, а то сейчас уже поздно.

Валерка уже встал, чтобы выйти из кабинета, но его остановила Казаринова:

– Стой, ты же говорил, что есть еще какой-то хладокомбинат.

– Еще? Да, есть, – ответил Гурьев, оборачиваясь к нам, остановившись на пороге. – Комбинат «Прохлада». Но я про это предприятие почти ничего не знаю. Так что придется эту фирмочку вам самим трясти.

– Ничего, мы все выясним, – с уверенностью в голосе ответила я, обводя взглядом работников редакции.

Еще бы не выяснить! Столько раз я распутывала самые сложные дела благодаря слаженным действиям своих коллег. А уже проработать конкурентов Бурлаевой, так это вообще плечевое дело. Конечно, надо было бы поговорить с самой Татьяной Анатольевной. Уж она бы точно указала на тех, кто хочет завалить ее бизнес. Только вот сейчас Бурлаева для нас недостижима. Сотрудники правоохранительных органов отпустят ее не скоро. Наверное, она проведет в управлении всю ночь. Убийство все-таки!

– Ирина, что там случилось? – спросил взволнованно Володя, помогая мне раздеться в прихожей. – С тобой все нормально?

Я уже хотел к тебе в редакцию приехать, когда по телевидению сообщили, что прямой эфир программы «Женское счастье» сорван по техническим причинам...

– А на каком моменте прекратили съемку? – заинтересовалась я, зная о том, что муж не отрываясь просмотрел всю программу.

– Когда в зрительных рядах началась какая-то суматоха, – рассказал Володя. – Я ничего не понял, потом позвонил вам в редакцию, но никто трубку не брал. Ты где была?

– У Кошелева, – безрадостно ответила я.

– Что, опять кричал? Бедненькая ты моя... – жалостливо произнес Володя. – Теперь-то ты в чем виновата?

Я неопределенно пожала плечами. Из кухни доносился приятный запах. Володя опять постарался и приготовил для меня ужин. Есть не хотелось. Как только вспомню, что произошло со зрительницей после безобидной порции мороженого, так тут же аппетит пропадает.

– Ладно тебе, Ирина, не расстраивайся, – успокаивал меня муж. – Кошелеву только дай повод покричать... Ты же ни в чем не виновата. Не обращай на него внимания. Подумаешь, эфир программы сорван. Больше чем уверен, это из-за какого-то пустяка. Что, какая-то из камер дала сбой?

– Нет, хуже, – безрадостно ответила я, усаживаясь в кресло в гостиной.

– Ты что, есть не будешь?

– Нет, не хочу. Я так устала. Самое обидное, Володя, что мы так старались, материал готовили, сценарий писали, репортаж смонтировали... Во время прямого эфира все шло тоже просто замечательно. А тут такое!..

– Так что случилось? – настойчиво спросил Володя.

– Очень похоже на убийство прямо в студии, – коротко ответила я.

– Убийство? – удивился Володя и даже подскочил ко мне ближе. – Не было же слышно ни выстрелов, ни криков... Какое убийство?

– Отравление.

– Мороженым? – догадался Володя, и в его голосе послышалась усмешка.

Я кивнула головой. Муж еще некоторое время постоял рядом со мной, а потом присел на диван, уставившись на меня широко открытыми глазами. Володя даже не стал выспрашивать подробности, а только произнес:

– Ирина, тебя же это не касается. Только не надо опять искать виноватого. Для этого есть целое ведомство. Министерство внутренних дел называется. Вот пусть милиция и разыскивает преступников.

Так я и знала! Стоило мне только заикнуться, что в студии произошло преступление, как Володя тут же догадался, что я возьмусь за его расследование. Так бывало уже не один раз. Ну не могу я оставаться в стороне, когда с человеком произошла беда. К тому же во всем случившемся есть и моя вина. Если бы я назначила экспертизу каждой порции принесенного в студию мороженого... Если бы я вообще отказалась от этого угощения зрителей... А теперь пострадал совершенно не повинный ни в чем человек.

Знаю я работу этих сотрудников внутренних дел. Для них все очевидно. Виновата сама Татьяна Анатольевна. Ведь именно на ее предприятии был изготовлен отравленный продукт. Но Бурлаева здесь ни при чем. Я же видела, как она отреагировала на происшествие в студии. Не может быть, чтобы она сама все подстроила. Да и зачем ей это?

– После такого происшествия как бы хладокомбинат вообще не закрыли, – произнес Володя.

– Что? Его могут закрыть? – встрепелась я.

– А почему бы и нет, – хмыкнул муж, – Теперь на предприятие нагрянут разные проверки... Если захотят, то обязательно найдут какую-нибудь погрешность в производстве. А может быть, даже и разбираться не станут, закроют, и все.

– И после этого ты говоришь, что мне не следует соваться в расследование?

– А твое какое дело? – воскликнул Володя. – Ирина, пусть менты и разбираются. В конце концов, ты...

– Надо помочь Бурлаевой, – перебила я мужа. – Она ни в чем не виновата.

– Может быть, и не виновата, – согласился Володя. – Только ты тоже ни при чем.

В принципе, Володя был прав. Я в этой ситуации могу просто оставаться в стороне. Не я же подсыпала отраву в мороженое. И вообще, у меня и без того забот полно. После сорванного прямого эфира Евгений Иванович Кошелев возьмется всерьез за нашу программу, и следующую передачу придется готовить еще тщательнее. Но я так не могу. Что поделать. Так уж я воспитана. Если человек попал в беду, я не могу оставаться в стороне. К тому же много сил и времени не потребуется для этого расследования. Достаточно только потрясти конкурентов Татьяны Анатольевны.

– Володя, а ты случайно ничего не знаешь о хладокомбинате «Прохлада»? – спросила я у Володи.

– «Прохлада»? – переспросил муж, посмотрев на меня внимательно.

Он заметил блеск в моих глазах и понял, что возражать бесполезно. Наверяд ли ему удастся уговорить меня не заниматься расследованием, если у меня уже появились кое-какие идеи.

– Ты думаешь, что отравление в студии – это дело рук конкурентов? – уточнил муж и после того, как я утвердительно кивнула головой, продолжил: – Скорее всего так оно и есть. Кому еще нужен развал хладокомбината, как не конкурентам. Только я тебе в этом деле не помощник.

Володька развел руки в стороны.

Ну что же, придется за все браться самой. Ничего, прорвемся, вздохнув, подумала я и уже встала с кресла, чтобы отправиться в спальню, как вдруг зазвонил телефон.

– Кто это так поздно? – растерялся Володька, посмотрев на меня, и схватил трубку. – Да, слушаю... Валера? А что так поздно?... Сейчас я ее позову.

Володя протянул мне трубку с недовольным видом.

Звонил Валерка Гурьев. Если он решил связаться со мной в одиннадцать часов вечера, значит, что-то серьезное. Скорее всего это касается расследования трагедии, произошедшей на программе. Мои предположения оправдались.

– Ирина, у тебя ручка далеко? – начал Валерка бодрым голосом. Он еще не ложился спать. – Записывай. Я все узнал о хладокомбинате «Прохлада».

– Вот молодец, Валера, – вскрикнула я восторженно, чем вызвала недовольство мужа. Володя демонстративно хмыкнул и пошел в спальню. – Что узнал?

– Записывай адрес. Нелли Максимовна Хохлова, генеральный директор. Одна ты туда не суйся, – предупредил меня Гурьев. – Я с Костиком Шиловым связался. Он завтра за тобой заедет, будь готова.

– Спасибо, Валера, – бросила я на прощание и положила трубку.

«Вот и ладненько», – немного приободрившись, подумала я, свернула листок с координатами хладокомбината Хохловой и вложила его в свой ежедневник. Я так и знала, что Костик Шилов подключится к расследованию. Костик работает у нас на ГТРК водителем при руководстве, но очень часто помогает нашей редакции. Причина – тщательно скрываемая симпатия к моей персоне, хотя об этом уже знают все коллеги. Костик готов ради меня пойти на любые жертвы. Уверена, что, как только Валерка намекнул, что у нас чрезвычайное происшествие в студии, Костик тут же предложил свои услуги.

Глава 2

Проснулась я рано. Володя еще мерно посапывал рядом, уткнувшись носом в подушку. Будить его я не стала. Пусть отдохнет как следует. Я осторожно поднялась с кровати, стараясь не шуметь, и пробралась в зал. Набрал номер домашнего телефона Шилова, я вслушалась в гудки. Никто не отвечал. Неужели Шилов забыл о своем обещании? Я набрала номер радиотелефона в служебной машине Костика и замерла в ожидании.

– Да, слушаю, – отозвался Костик бодрым голосом.

– Костик, ты где сейчас? – поинтересовалась я.

– Как это где? – хмыкнул Шилов. – У твоего подъезда. Тебя поджидаю. Между прочим, ты опаздываешь на свидание уже на полчаса.

– На какое свидание? – не поняла я.

– Я же вчера просил Гурьева, чтобы он сказал, что я буду тебя ждать у подъезда в восемь часов. Он что, ничего не говорил?

– Говорил, – буркнула я. – Сейчас спущусь.

Минут десять мне потребовалось на утренний туалет и макияж. Одевалась я торопливо, чтобы не заставлять Костика ждать еще дольше. Я схватила свою сумку и пробралась в прихожую, чтобы обуться.

– Ирина, ты куда? – раздался голос мужа, и Володя предстал передо мной прямо в пижаме.

– Я? Мне надо, Володечка... Я тебя не хотела будить... – растерянно пробормотала я.

– Все! – вскрикнул муж, мгновенно проснувшись. – Я так и думал, что все этим кончится. Бессонные ночи у меня еще впереди. Ты опять по уши погрязнешь в этом расследовании.

– Нет, не по уши. Мы только конкурентов Татьяны Анатольевны проверим, – пообещала я.

– Конечно, конечно, – надул губы Володя.

Я чмокнула мужа в щеку и выпорхнула в коридор.

– Ирина, обедать хоть приедешь? – бросил Володя, выйдя на лестничную площадку, уже когда я бежала вниз.

Я неопределенно махнула рукой. Кто его знает, на сколько растянется разговор с Хохловой. Лишь бы только она сама была на работе, а то еще придется ее разыскивать. Да и станет ли Нелли Максимовна беседовать со мной? Хотя если она сразу же откажет мне в приеме, это уже будет подозрительно. Человек, который ни в чем не виноват, не будет от меня скрываться.

Интересно, а как там дела у Валерки Гурьева? Ему-то проще. Он хоть немного знаком с Еленой Егоровной Коневской, генеральным директором хладокомбината, расположенного на окраине города. А мне как быть? Начинать разговор сразу же с обвинений? Или же сначала разведать обстановку?

Я решительно сделала шаг в направлении машины Костика, которая стояла с торца дома. Шилов никогда не парковался у моего подъезда, чтобы не внушать лишних подозрений Володе. И в гостях у нас Костик бывал не часто, хотя почти каждый день подвозил меня с работы.

– Ира, опять вляпалась? – с какой-то иронией в голосе спросил Костик, как только я уселась в салоне автомобиля. – Кошелев до сих пор никак успокоиться не может. Я его сегодня на работу возил, так он мне все мозги пропесочил. Я у него как будто психологом работаю. Евгений Иванович постоянно своими проблемами со мной делится.

– И какие же у него сейчас проблемы? – отозвалась я.

– Бездарный коллектив редакции программы «Женское счастье», – признался Костик.

– Он что, так и сказал?

– Кошелев еще и не такие выражения употреблял, – усмехнулся Костик. – Теперь он за вас возьмется. Евгений Иванович все грозился взять программу «Женское счастье» под личную опеку, – сообщил Костик, но, заметив мой не очень-то радостный вид, добавил: – А вообще-то он смягчится. Вы же сами ни в чем не виноваты. Кто же знал, что в порции мороженого окажется яд.

– Вот это нам и предстоит выяснить, – произнесла я. – Кто об этом знал? Кому надо было убивать совершенно неповинного человека?

Хладокомбинат «Прохлада» представлял из себя несколько корпусов, огороженных высоким металлическим забором. На его территорию мы проехали без проблем через открытые ворота. И только когда Костик уже припарковался на стоянке перед административным зданием, к нам подошел молодой человек в камуфляжном костюме.

– Доброе утро. У вас пропуска есть? – поинтересовался он вежливо, с интересом осматривая меня. – Вы случайно не Ирина Лебедева? Очень на нее похожи...

– Вы не ошиблись, – ответила я охраннику, протягивая ему журналистское удостоверение.

За несколько лет работы на телевидении я уже привыкла к тому, что некоторые жители города Тарасова узнают меня. В таких случаях я не начинаю жеманничать и кокетничать, как делают другие звезды телеэкрана, а веду себя обычно. Звездной болезни у меня не было и нет.

– Меня не предупреждали о вашем приезде. Вы к кому? – спросил охранник, возвращая мне документ, на который взглянул только мельком.

– Нам бы надо к Хохловой, генеральному директору, – ответила я.

Молодой человек оглянулся на стоянку, а затем опять повернулся к нам.

– Нелли Максимовна у себя должна быть, – сообщил он. – Ее машина здесь.

Охранник кивнул в сторону серебристой «Хонды», припаркованной у проходной хладокомбината. Костик многозначительно присвистнул. Машина была без сомнения очень дорогой.

– Извините, а вы случайно не подскажете, где находится кабинет Хохловой? – поинтересовалась я у охранника, оторвав взгляд от машины.

– В главном корпусе на втором этаже, – объяснил молодой человек.

Через проходную мы прошли спокойно, влившись в толпу шедших на хладокомбинат работников. Никто даже не спросил у нас пропуска.

На втором этаже, помимо кабинета Хохловой, располагался и профсоюзный комитет, и кабинеты заместителей Нелли Максимовны, и юридической отдел. Все двери были закрыты. Костик осторожно постучался в дверь, на которой красовалась табличка с надписью «Генеральный директор ЗАО «Хладокомбинат «Прохлада» Нелли Максимовна Хохлова», и открыл ее.

В приемной, кроме секретаря, было еще несколько посетителей. С краю сидел полноватый мужичок с плешинкой на голове, в строгом костюме. Он держал в руках солидную папку, набитую бумагами. За ним расположилась худенькая женщина пенсионного возраста, которая смотрела в пол, даже не поднимая взгляда.

– Добрый день, Нелли Максимовна у себя? – поинтересовалась я.

– Да, а что вы хотели? – спросила секретарша, женщина средних лет в очках в огромной оправе. – Вы по записи?

– Нет, мы не записывались, – честно призналась я. – Но нам нужно поговорить с генеральным директором.

– По какому вопросу? – спросила дотошная секретарша, поправив очки, съехавшие почти на кончик носа.

Мы с Костилом переглянулись. Сказать, что по личному? Но это же не так. По деловому вопросу? Это тоже не пойдет.

– Нам надо с ней поговорить, – повторилась я, не найдя никакого ответа на вопрос секретаря.

– Подождите немного, – предложила она нам занять места на стульях, выстроенных в ряд.

Мы с Костиком присели. В приемной царил гробовая тишина, и только еле слышно из кабинета директора доносился голос, наверное, самой Хохловой, которая с кем-то беседовала по телефону. Разобрать что-то в ее разговоре было невозможно.

Когда голос в кабинете стих, плешивый мужичок вежливо спросил у секретаря:

– Может быть, Нелли Максимовна освободилась?

– Я сейчас спрошу, – с готовностью ответила секретарь, протопала к кабинету и приоткрыла дверь. – Нелли Максимовна, к вам Степан Игоревич, можно?

Ответа Хохловой я не расслышала, но секретарша тут же возвратилась в приемную и пригласила плешивого мужичка. С его уходом в приемной стало как-то уютней. Женщина, которая сидела перед нами, подняла голову и уже с интересом осматривалась по сторонам. Мы же с Костиком в нетерпении посматривали на часы. Я даже и не думала, что нам придется ждать встречи с Хохловой в приемной.

– Я не решаю эти вопросы, – неожиданно отчетливо послышался голос Хохловой из кабинета. Он показался мне строгим и раздраженным.

Женщина, сидящая рядом, встрепелась и покосилась на дверь кабинета. Вдруг она встала и пошла на выход из приемной.

– Вы куда? – поинтересовалась у нее секретарша.

– Я это... Как-нибудь... Я позже зайду, – промямлила женщина.

Секретарша только пожала плечами и, улыбнувшись, обратилась к нам:

– Значит, вы теперь первые.

– Степан Игоревич, я же уже говорила вам... – опять раздался раздраженный голос Хохловой.

– Вот всегда так, – произнесла секретарша, вздыхая. – После разговора со своими заместителями Нелли Максимовна всегда очень сильно нервничает.

Мы с Костиком переглянулись. Может быть, и нам тоже зайти попозже? Наш разговор с Хохловой для нее тоже будет не очень приятным. А если она уже на взводе, то рассчитывать на откровенность не придется. Как бы Хохлова вообще не отказалась нас принять.

– Я зайду, когда все будет готово, – произнес с порога Степан Игоревич, выходя из кабинета.

– Хотелось бы, – раздался голос Нелли Максимовны, и дверь закрылась.

Плешивый мужчина посмотрел на нас с неприязнью, еле слышно фыркнул и вышел из приемной в коридор, даже не попрощавшись с секретарем.

– Как вас представить? – поинтересовалась секретарша.

– Ирина Анатольевна Лебедева, – ответила я.

– Лебедева? – переспросила секретарша, посмотрев на меня с еще большим интересом. – Ведущая программы «Женское счастье»? – Я кивнула головой. – Ой, а я вас не узнала.

– Ничего страшного. Нелли Максимовна свободна? – поинтересовалась я, чтобы избежать дальнейших вопросов секретаря.

– Да, да, конечно, проходите.

Она открыла перед нами дверь, мы с Костиком вошли в кабинет. Нелли Максимовна сидела за рабочим столом и внимательно смотрела на монитор компьютера. Хохловой на вид было чуть меньше сорока лет. Резкие черты лица придавали ей еще больше строгости. Темные густые волосы были пострижены коротко. Стрижка больше напоминала мужскую, чем женскую.

– Мария Михайловна, я занята, – проговорила Хохлова машинально, даже не посмотрев, кто вошел в кабинет. – Пока никого не приглашайте.

– Нелли Максимовна, мы к вам, – произнесла я, остановившись на пороге.

– Кто «мы»? – строго спросила Хохлова, отрываясь от монитора компьютера.

– Ирина Анатольевна Лебедева, ведущая программы «Женское счастье», – представилась я. – А это Константин Шилов, наш сотрудник. – Не буду же я уточнять, что Костик работает просто водителем.

– Лебедева? – как мне показалось, искренне удивилась моему приходу Хохлова. Тон ее голоса немного смягчился. – Чем обязана? Присаживайтесь, пожалуйста.

Я заняла место, предложенное Хохловой, за столом совещаний. Сама Нелли Максимовна даже не встала, чтобы поприветствовать нас. Она только немного отодвинулась от монитора компьютера и отложила в сторону несколько папок, которые лежали прямо перед ней.

– Нелли Максимовна, вы знакомы с Бурлаевой Татьяной Анатольевной? – приступила я сразу к делу.

– Да, конечно, – ответила Хохлова. – Генеральный директор Тарасовского хладокомбината. Я с Бурлаевой очень хорошо знакома, да и вы тоже. Татьяна, кажется, у вас в программе должна была участвовать.

– Да, съемки проходили вчера, – уточнила я.

– Неужели? Надо было мне вчера посмотреть «Женское счастье», – с сожалением проговорила Нелли Максимовна. – А чем я могу быть вам полезна?

– Вы что же, не знаете о том, что вчера произошло во время прямого эфира программы?

На этот раз удивилась я. Нелли Максимовна вела себя вполне спокойно. Она не была взволнована нашим приходом, кажется, даже обрадовалась. Такое ощущение, что Хохлова тоже рассчитывала на приглашение в программу «Женское счастье» в качестве героини. В ее жестах и взглядах чувствовалось желание нам понравиться, хотя она и не заискивала перед нами.

– Нет, я ничего не знаю, – ответила Нелли Максимовна, внимательно посмотрев на меня.

– Во время прямого эфира была отравлена одна из зрительниц в студии, – рассказала я, наблюдая за реакцией Хохловой. – Женщина отравилась мороженым, которое Бурлаева принесла специально для нашей программы.

– Что вы говорите? – изумилась Хохлова и всплеснула руками. – Вы ничего не путаете? Мороженое – это ведь совершенно безобидный продукт.

– Безобидный, – согласилась я с ней. – Только если в нем нет яда.

– Яд? Вы хотите сказать, что в мороженом содержался яд?

– Это говорят сотрудники правоохранительных органов. По факту убийства заведено уголовное дело, – спокойно сказала я. – Только не надо делать вид, что вы совершенно ничего не знаете. – Мне на мгновение показалось, что известие о случившемся словно бы порадовало Хохлову.

Нелли Максимовна вдруг встрепенулась, вскочила с места и прошлась по кабинету. Она бросила на меня неприязненный взгляд, а затем подошла к своему рабочему месту и резко села в кресло.

– Все понятно, – произнесла она, взглянув мне прямо в глаза. – Вы считаете, что это происки конкурентов? Поэтому пришли ко мне?

Я не торопилась отвечать на вопрос Хохловой. По-моему, все и без того было понятно. Не просто же мы так пришли рассказать ей об ужасном происшествии на программе.

– Я ничего не знаю, – резко сказала Нелли Максимовна. – Вам на меня сама Татьяна указала? Такого я от нее вообще не ожидала. Неужели Бурлаева все никак не может забыть нашу ссору...

– Ссору? Вы когда-то с ней ругались? – насторожилась я.

– Когда-то мы с Татьяной вместе работали, – рассказала Нелли Максимовна. – Понимаете, одной поднимать бизнес очень сложно. Мы с Татьяной ходили в один и тот же центр

менеджмента на курсы руководителей, там и познакомились. Тогда и у нее, и у меня как раз был небольшой капитал...

– Откуда? – поинтересовался вдруг Костик, перебивая собеседницу.

– Что откуда? – растерялась Хохлова.

– Откуда у вас был капитал? – точнее сформулировал Шилов свой вопрос.

Нелли Максимовна посмотрела на него с антипатией, затем недовольно фыркнула и продолжила, благосклонно отвечая на вопрос:

– У Татьяны умерла мама, которая оставила неплохое наследство, а у меня постепенно накопились деньги на банковском счете. Родители откладывали постоянно для меня приличные суммы, обеспечивая будущее. Мы обе хотели заняться бизнесом, но не знали, с чего начать. И тогда я предложила Татьяне работать вместе.

– Когда Бурлаева рассказывала о своем прошлом, она не упоминала, что раньше работала с кем-то, – заметила я.

– Да наш хладокомбинат просуществовал всего ничего, – добавила Нелли Максимовна. – Три года мы с ней пытались наладить производство, но... – Хохлова запнулась, недоверчиво посмотрела на меня, а затем продолжила: – Мы с Таней очень разные люди. У меня немного другой стиль руководства. Короче говоря, я не смогла с ней работать.

– Или же она с вами, – проронил замечание Костик.

– Может быть, и она со мной тоже, – ответила Нелли Максимовна. С того времени я практически с ней не общалась. Надо же, какая стерва! Я даже и забыла про нее, а она теперь меня в своих неприятностях подозревает! – снова возмутилась Хохлова.

– Это не Бурлаева указала на вас, – проронила я.

– Не Татьяна, а кто? – насторожилась Хохлова.

Мы с Костиком переглянулись. Говорить ей, что это только наши домыслы, или не стоит пока раскрывать карты? Пожалуй, не нужно доверять такой неприятной женщине, подумала я и оставила ее вопрос без ответа.

– Я не понимаю, зачем вы вообще ко мне пришли? – вскрикнула Нелли Максимовна. – Что вам нужно?

– Мы ведем частное расследование этого преступления, – гордо произнесла я.

– Кто? Вы? – усмехнулась Нелли Максимовна.

Я ступсывалась. Наверное, такая откровенность с Хохловой была излишней.

На этом наш разговор с Нелли Максимовной и закончился. Кроме обвинений в сторону Бурлаевой, больше ничего от Хохловой нам не удастся услышать сегодня. Действительно ли она виновата в произошедшем у меня в студии или нет? Я не знала. Слишком уж скользкой показалась мне эта женщина!

Мы вышли из приемной в ужасном настроении. Разговор с Нелли Максимовной получился какой-то скомканный. Еще в приемной, впервые услышав раздраженный голос Хохловой, я предположила, что она очень импульсивная и грубая особа, но думала, что, беседуя с нами, ей удастся хотя бы отчасти сдерживать свой гнев. Но получилось, что мы с Костиком просто попали под горячую руку. Оправдываться перед нами Хохлова и не думала. Я даже заметила, что она ничуть не расстроилась, когда мы намекнули на то, что именно она подозревается в совершении убийства. Ее больше волновало, кто на нее навел. Причем Нелли Максимовна была уверена, что сделала это именно Бурлаева.

Я была оскорблена и ее насмешливым тоном, после того как мы сказали ей, что ведем частное расследование этого дела. Ну, ничего, Нелли Максимовна еще пожалеет о том, что так грубо разговаривала с нами!

– Что теперь будем делать? – нерешительно спросил Костик, закрывая дверь приемной.

– Не знаю, но больше разговаривать с этой стервозной бабой я не хочу, – отозвалась я.

– Ты думаешь, что это она подстроила убийство? – поинтересовался Костик, стараясь разговаривать шепотом.

– Может быть, – неуверенно ответила я. – Но доказательств против Хохловой у нас нет. А жаль! Можно было бы уже сейчас припереть к стенке эту бабенку.

В коридоре стояла и работница хладокомбината, которая так и не решилась на разговор с генеральным директором. Женщина, как только увидела меня, встрепенулась и подошла ближе.

– Вы ее не очень разозлили? – поинтересовалась она осторожно.

– Честно говоря, кажется, Нелли Максимовна осталась не в лучшем настроении после разговора с нами, – призналась я. – Вам, наверное, сейчас не стоит заходить к ней со своими проблемами.

– Так я и знала, – вздохнула женщина. – Я хотела с ней поговорить о премиальных, выплату которых задерживают. Мне подруга уже давно говорила, что надо увольняться отсюда. Может, и правда просто подать заявление на увольнение?

Такое ощущение, что женщина беседовала сама с собой. Она была очень растеряна. Мне стало ее немного жалко.

– Не спешите, авось еще все наладится, – попыталась я успокоить собеседницу. – Сейчас с работой и так тяжело. Куда вы пойдете?

– Ой, да меня уже давно приглашают на комбинат Бурлаевой, – вскрикнула женщина, и в глазах ее показался задорный огонек, что было немного неожиданно. – Только я все никак не решаюсь. Что шило на мыло менять?

– А вы знакомы с работниками хладокомбината Бурлаевой? – удивилась я.

– Я с самой Татьяной Анатольевной знакома, – с гордостью в голосе произнесла женщина. – Она мне сама говорила, что есть вакантное место технолога.

– А вы не слышали о том, что сейчас у хладокомбината Бурлаевой проблемы?

– Что-то слышала. Говорят, что какая-то женщина отравилась продукцией этого предприятия, – подтвердила женщина. – Но я в это не верю. Как можно отравиться мороженым?

«Надо же, как быстро разносятся слухи у нас в Тарасове!» – подумала я и пояснила:

– В мороженом был яд.

– Яд! А откуда вы знаете? – удивилась женщина.

– Я занимаюсь частным расследованием этого преступления, – повторила я сказанную и Хохловой фразу, но на эту собеседницу она возымела совершенно другое действие.

– Что вы говорите? – воскликнула женщина больше с восторгом, чем с удивлением. – Теперь понятно, зачем вы приходили к Нелли Максимовне. Вы что, считаете, она все это и подстроила?

Женщина покосилась на кабинет Хохловой, а затем схватила меня под локоть и отвела в глубь коридора, чтобы продолжить разговор наедине. Костик даже не пошел за нами, чтобы не смущать незнакомку.

– А вы как думаете? – ответила я вопросительно на вопрос.

– Конечно она, а кто же еще, – хмыкнула собеседница. – Они с Татьяной очень давно знакомы, когда-то даже работали вместе как партнеры. Я тоже тогда работала под их началом. Тогда еще это был единственный хладокомбинат в городе. Ни конкуренции, ни врагов...

– А теперь, значит, они конкурируют друг с другом, – сделала я вывод.

– Ну не то чтобы конкурируют, – уклончиво ответила собеседница. – Рынок не перенасыщен продуктом, который мы производим, поэтому места хватает всем, но только вот Нелли Максимовна ненавидит Бурлаеву совсем по другой причине.

– Ненавидит? – заинтересовалась я и тут же предположила: – Наверное, за то, что у них не пошел в гору совместный бизнес.

– А вот как раз дело тут совершенно в другом, – чуть ли не прошипела мне на ухо женщина и опять покосилась на дверь Хохловой. – Говорят, что они поссорились на личной почве. Раньше-то Хохлова с Бурлаевой очень крепко дружили, а потом произошел разлад. Вы знаете, даже поговаривают, что все дело было в мужчине.

И собеседница многозначительно повела глазами, а затем приложила палец к губам, как будто бы только что мне доверили тайну государственной важности. Я согласно кивнула в ответ, а затем шепотом поинтересовалась:

– А подробностей их ссоры вы не знаете?

– Нет, – резко ответила женщина. – Кажется, они положили глаз на одного и того же мужика, вот и дрались за него.

– А кто это?

– Шут его знает, – пожала плечами женщина.

Вдруг дверь приемной распахнулась. В коридор вышла сама Нелли Максимовна. В руках у нее была папка, набитая документами.

Хохлова сразу же заметила меня и мою собеседницу. Посмотрев на нас свысока и пренебрежительно фыркнув, Нелли Максимовна уверенной походкой прошла к лестнице и начала спускаться вниз.

– Ну вот и все, – проговорила моя собеседница. – Теперь мне точно надо увольняться.

– Вы думаете, что Хохлова слышала наш разговор?

– Нет, но могла догадаться, что я вам здесь не анекдоты рассказываю, – вскрикнула она.

– Тем не менее большое спасибо вам за откровенность, – поблагодарила я женщину. – Надеюсь, что ваша информация поможет мне в расследовании произошедшего на комбинате Бурлаевой.

Работница кивнула и торопливо пошла по коридору к какому-то кабинету. Мы же с Костиком направились за Хохловой.

Почему Нелли Максимовна мне ничего не сказала о причинах ссоры с Бурлаевой? И что это за мужчина, ради которого закадычные подруги так разругались, что даже не смогли вместе работать? Рассчитывать на откровенность Нелли Максимовны мне, конечно же, не приходилось, но интересно, что она скажет, если я намекну ей о том, что знаю о причине ее ненависти к Татьяне Анатольевне?

Когда мы с Костиком торопливо спустились на первый этаж, на проходной было пусто. Рабочий день уже начался. Основной поток работников прошел. Хохловой же не было видно.

Я бросилась на стоянку, надеясь догнать Нелли Максимовну. Первым на глаза мне попался уже знакомый охранник. Потом только я увидела Хохлову, которая усаживалась в салоне своего автомобиля. Я прибавила шаг, чтобы успеть поговорить с ней до того, как она отъедет, но подоспела, когда Нелли Максимовна уже нажала на газ.

– Стойте, стойте, прошу вас, – громко крикнула я.

Нелли Максимовна заглушила мотор.

– Ирина Анатольевна, вы понимаете, что это уже наглость? – произнесла Хохлова довольно-таки спокойным тоном, высунувшись из салона автомобиля. – Отойдите от машины. В противном случае я буду вынуждена вызвать охрану.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала я, подходя ближе к Нелли Максимовне.

– Оставьте меня в покое, – с тем же поразительным спокойствием обратилась ко мне Нелли Максимовна. – Я не хочу с вами разговаривать, неужели это непонятно. Если у вас есть какие-то подозрения на мой счет, то вы можете рассказать об этом в милиции.

– Почему вы мне солгали? – поинтересовалась я.

– Я? Вам? – переспросила Нелли Максимовна и хохотнула. – Вы что-то путаете. Я старалась быть с вами искренней.

– Вы поссорились с Бурлаевой из-за мужчины, – выдала я то, о чем только что мне поведала работница комбината.

– Ах, это! – усмехнулась Нелли Максимовна. – А вам-то какое дело до того, что произошло между нами с Татьяной? Я ни в чем не виновата и в свою личную жизнь не позволю никому вмешиваться.

После этого Хохлова опять нажала на газ. Я не стала ее останавливать. Откровенного разговора все равно не получится. Охранник на стоянке уже заметил, что я скандалю с Нелли Максимовной, и направлялся ко мне. Разумеется, он встанет на защиту своего начальника. Какое ему дело до Ирины Лебедевой?

Я была в гневе. Мне приходилось сталкиваться еще и не с такой грубостью, но во многих случаях меня это не задевало. Как говорится, на дураков не обижаются, надо быть выше обидчика. Но разговор с Хохловой меня всерьез расстроил. Если Нелли Максимовна ни в чем не виновата, что ей стоило со мной просто поговорить по душам. Если она знакома с Татьяной Анатольевной с самого начала развития ее бизнеса, то, значит, может помочь следствию. Почему же Хохлова решила остаться в стороне?

А если это именно она подготовила убийство женщины, чтобы пошатнуть бизнес своей конкурентки и, как выяснилось, недруга?

То, что Хохлова и Бурлаева находятся в плохих отношениях, понятно по высказываниям самой Нелли Максимовны, а также из разговора с одной из работниц комбината. Помогла ли Хохлова подстроить отравление? А почему бы и нет. Достаточно только подкупить одного из работников хладокомбината, передать ему яд, и дело в шляпе. Вот только непонятно: зачем это было нужно Хохловой? Конкуренция среди хладокомбинатов не так уж высока, чтобы действовать такими жесткими методами. К тому же рынок в этой отрасли производства не перенасыщен, поэтому оснований для такой грызни недостаточно. Может быть, все дело в старых обидах? Но и это не основание срывать производство. За личные обиды Хохлова скорее всего отомстила бы самой Бурлаевой. Кстати, такая импульсивная бабенка и кислотой могла бы Бурлаевой личико подпортить. Ужас!

В этот момент в машине Костика зазвонил телефон. Я вздрогнула. Шилов первым схватил трубку. Все-таки он водитель, а звонить мог кто угодно. Может быть, даже тот же Кошелев, которому Костик мог понадобиться в любой момент.

– Да, Валера, ты? – с радостью приветствовал Гурьева Костик. – Как у тебя?.. Встретиться, говоришь...

Костик посмотрел на меня, чтобы я выразила свое мнение, надо ли встречаться сейчас с Гурьевым. Я утвердительно кивнула. Валерка же тоже встречался с директором одного из хладокомбинатов. Может быть, он тоже что-нибудь существенное узнал.

– Где? – продолжил разговор Костик. – Хорошо, мы сейчас подъедем. Только ты оттуда никуда не уезжай.

Костик отключил телефон и положил его на привычное место. А потом резко рванул с места, не говоря мне ни слова. Я не стала у него допытываться, где назначена встреча с Валеркой. Костик все равно подвезет куда надо.

Я поудобнее уселась на переднем сиденье и погрузилась в свои мысли, которые все время вращались вокруг Хохловой. Ну не может она вести себя с нами так грубо, если виновата. Неужели ей совершенно безразлично, что кто-то вышел на ее след и раскусил замысел? Или же Нелли Максимовна полностью уверена в своей непогрешимости?

Когда Костик направился на выезд из города, я поинтересовалась у него, где поджидает нас Валера. Оказывается, Гурьев назначил встречу прямо у хладокомбината, с директором которого он беседовал.

Одинокая фигура Гурьева, которая маячила на проходной, сразу же обращала на себя внимание. Валера время от времени посматривал на дорогу, а когда заметил нашу «Волгу», тут же подошел ближе к тротуару.

– Привет, ну что там у вас? – сразу же спросил он, усаживаясь на заднем сиденье.

– Плохо, – честно призналась я. – Расскажи сначала, что тебе удалось выяснить.

– Ничего, – разочаровал меня Валера. – То есть я кое-что выяснил, но это не поможет нашему расследованию. Оказывается, хладокомбинат Коневской занимается, помимо производства мороженого, еще и полуфабрикатами. На это и направлены основные линии производства. Мороженое же изготавливается попутно, не является основным продуктом. Так что этот хладокомбинат практически не конкурирует с предприятием Бурлаевой.

– А может быть, здесь планируется расширить линию производства мороженого и для этого сразу же устраняются конкуренты? – предположила я.

– Нет, я об этом тоже спросил у Коневской, – ответил Валера. – Лена мне сказала, что со временем ее производство вообще планируется направить на изготовление только полуфабрикатов. Мороженое же больше здесь не будут делать. Следовательно, ей незачем устранять конкурентов.

– А она знает о том, что произошло во время прямого эфира моей программы?

– Конечно, об этом уже знает почти весь город. В эфир же вышла «Криминальная хроника» с моим репортажем о провальном прямом эфире.

– Значит, Коневская ни при чем, – сделала я вывод и тяжело вздохнула.

В принципе я предполагала, что этот крупный комбинат останется в стороне от конкурентной борьбы на рынке производства мороженого. Гурьев только подтвердил мои предположения. Когда же я рассказала Валере о разговоре с Хохловой, тот чуть не подпрыгнул от радости.

– Ира, это она! Такая стерва способна и на большее!

– Может быть, и она, – не стала я возражать Валере, – только у нас против Нелли Максимовны нет никаких доказательств.

– А какие тут нужны доказательства?! Надо брать ее тепленькую, к стеночке прижать, и она все расскажет, – потирая руки, вскрикнул Гурьев. – Костик, а ты чего там терялся? С такими бабами одними разговорами не обойдешься...

– Ага! Когда мне было на нее бросаться? В кабинете, что ли? Или на стоянке, где она меня задавила бы и глазом не моргнула, – уныло хмыкнул Костик.

– А почему вы за ней не проследили? – поинтересовался Валера. – Куда она поехала после разговора с вами?

– Наверное, на деловую встречу, – предположила я. – У нее в руках была папка с документами.

– Или с деньгами, – задумчиво сказал Костик.

– С какими деньгами?

– Чтобы расплатиться с исполнителем, – пояснил Шилов. – Не сама же Хохлова подсыпала яд в мороженое.

Костик хотел было еще что-то сказать, как вдруг снова зазвонил телефон, и Шилов схватил трубку, не выпуская из рук руля.

– Да... Ирину Анатольевну? – удивился он просьбе собеседника. – А кто ее спрашивает?.. Да, конечно.

Костик протянул мне трубку и прошипел:

– Сама Бурлаева.

Я взяла телефон в руки, поприветствовала собеседницу и в ответ услышала голос самой Татьяны Анатольевны.

– Извините, что я вам звоню по этому номеру, – вежливо отозвалась Бурлаева. – Мне его дал ваш коллега. Я решила позвонить. Вы знаете, у меня сейчас очень много проблем. Хладокомбинат трясут комиссии, я всю ночь просидела в управлении внутренних дел. Бесконечные допросы, показания, выяснения обстоятельств дела... Извините, что я толком не смогла попрощаться с вами еще в студии. У вас, Ирина Анатольевна, тоже, наверное, проблем накопилось благодаря мне.

– Ничего страшного, – успокоила я Бурлаеву. – Нам, конечно же, досталось за сорванный прямой эфир, но вы в этом не виноваты.

– Я даже не думала, что все так трагически закончится. Бедная женщина, – произнесла с грустью в голосе Татьяна Анатольевна. – Сотрудники правоохранительных органов выяснили, что в порции мороженого находился яд. Это было отравление. Представляете, какой ужас?

– Я об этом знаю, Татьяна Анатольевна, – отозвалась я. – Мы занимаемся расследованием произошедшего у нас в студии.

– Расследованием? Вы? – удивилась Татьяна Анатольевна. – Но вы ведь не частный детектив. И вообще, Ирина Анатольевна, может быть, вам не стоит вмешиваться в это дело. Мало ли что может за этим последовать.

– А что может еще случиться? – насторожилась я.

– Не знаю, но все-таки, – растерялась Татьяна Анатольевна. – Неужели вы ничего не боитесь?

– А чего мне бояться?! По всей видимости, это вам кто-то мстит, чтобы расстроить бизнес.

– Да, мое предприятие после такого происшествия потерпит убытки, – констатировала Бурлаева.

– Вы знаете, нам кое-что удалось выяснить, и мне нужно с вами поговорить, – сообщила я Бурлаевой, решив, что именно она может рассказать правдиво о взаимоотношениях со своей старой подругой и компаньонкой Хохловой. – Вы сейчас свободны?

– Вообще-то у меня много работы, но я смогу вам выделить несколько минут, – обещала Татьяна Анатольевна.

Я в свою очередь уточнила, где она находится, и сказала, что подъеду через полчаса, чтобы Бурлаева меня дождалась.

Глава 3

Татьяна Анатольевна и не отрицала, что знакома с Хохловой. Только вот когда я упомянула о Нелли Максимовне, она как-то странно скривилась и через силу улыбнулась. Они на самом деле общались почти со времен учебы в институте, были подругами. Все, что рассказала мне сама Хохлова, подтвердила и Татьяна Анатольевна. Бурлаева также не упомянула о том, почему они поссорились, поэтому мне пришлось ее об этом спросить прямо.

– А что вам рассказала Нелли? – поинтересовалась Татьяна Анатольевна.

– Ничего, – ответила я. – Она только сказала, что вы не смогли работать вместе и расстались из-за рабочих проблем.

– Отчасти это правда, – произнесла Татьяна Анатольевна и подошла к окну.

Она отвернулась от меня и выглянула на улицу. Затем Татьяна Анатольевна медленно повернулась, недоверчиво посмотрела на меня и присела в кресло в своем кабинете. Неужели и от самой Бурлаевой мне не дождаться откровенности?

– Татьяна Анатольевна, вы понимаете, что отравление могла подстроить Нелли Максимовна? – продолжила я, так как Бурлаева молчала.

– Нет, вы что?! – встрепенулась Татьяна Анатольевна. – Зачем ей это нужно? Мы, конечно, с Нелли расстались и находимся не в самых лучших отношениях, но она не могла пойти на такое. Вы думаете, что здесь замешана конкуренция? Но это же глупо. Производство мороженого у нас в городе – дело прибыльное. На рынке могут вполне независимо существовать несколько комбинатов.

– А может быть, у нее для такого поступка были свои причины? – настойчиво спросила я.

– Она вам может мстить таким образом, – поддержал меня Валера.

– Мстить? – переспросила Татьяна Анатольевна, испугавшись замечания Гурьева. – Если вы думаете, что по прошествии стольких лет она могла вспомнить старые обиды, то ошибаетесь.

– Но ведь тогда вы очень сильно поссорились, – напомнила я. – Пришлось даже разорвать и деловые отношения.

– Причиной вашей ссоры стал мужчина? – прямо спросил Валера.

Татьяна Анатольевна при этой фразе бросила на Гурьева молниеносный взгляд, а затем отвела его в сторону. Она все еще не решалась нам рассказать правды. Я не стала на нее давить, а спокойно выжидала, когда Татьяна Анатольевна решится на откровенный разговор.

– Да, это была обычная женская ссора, – произнесла наконец Бурлаева после продолжительной паузы. – Так получилось, что мы с Нелли влюбились в одного мужчину. Звали его Сергей. С ним мы познакомились на одном деловом фуршете, где проходила презентация его компании... Он сначала оказывал знаки внимания Нелли. Я оставалась в стороне. Они даже начали встречаться. Я нисколько не ревновала его. Раз он выбрал Нелли, что уж теперь... – Татьяна Анатольевна тяжело вздохнула. – А потом их отношения резко сошли на нет, и Сергей стал ухаживать за мной. Мы встречались долго, а Нелли не хотела оставаться в стороне. Тогда то мы с ней и поссорились. Она обвинила меня в том, что я расстроила ее брак.

– А что, Сергей был на ней женат? – уточнила я.

– Нет. Хотя в принципе уже готов был сделать ей предложение, но...

Татьяна Анатольевна неожиданно замолчала. Я посмотрела на нее с выжиданием, стараясь угадать, что она скажет в следующую минуту. Но Бурлаева не торопилась. Только вздохнув еще раз, она произнесла тихо:

– Но он женился на мне.

– Это был ваш муж? – удивилась я.

– Да, мы с Сергеем поженились, – сказала Татьяна Анатольевна. – Тогда еще мы с Нелли пытались работать вместе. Но ничего не вышло. При первом же конфликте она ставила мне в упрек, что я увела у нее Сергея. Я больше не могла этого терпеть и поэтому первой попросила закончить наши деловые отношения. Нелли согласилась.

– И вы думаете, что Нелли Максимовна сейчас успокоилась?

– Конечно, ведь прошло уже столько лет, – встрепелась Татьяна Анатольевна. – Лет пятнадцать точно, а может быть, и больше. Если бы она хотела отомстить мне, то не стала бы ждать столько времени, – заметила Бурлаева, а затем тихо проговорила: – И вообще, сейчас уже ей не за что бороться. Сергея нет в живых. Он умер, когда ему было пятьдесят два года... – с тоской в голосе произнесла Татьяна Анатольевна. – Сергей тоже занимался бизнесом, который требовал много сил и отнимал здоровье. Когда мы с ним познакомились, он был еще крепким мужчиной, но постепенно стал угасать. Мне же тогда было чуть больше двадцати... – вздохнув, сказала Бурлаева. – С ним случился инфаркт.

– Как же вы пережили его смерть? – участливо спросила я.

– Мне было очень тяжело, – сказала Татьяна Анатольевна. – Сразу после смерти мужа у меня начались проблемы с сыном. Валя стал какой-то нервный, не общительный. Очень переживал смерть отца. С возрастом, конечно, чувства притупились... Сейчас вроде бы все нормально.

Я перевела свой взгляд на рабочий стол Бурлаевой, где в рамке стояла фотография самой Татьяны Анатольевны, которую нежно обнимал молодой человек с рыжеватым цветом волос. Это, по всей видимости, и был сын Бурлаевой. Валентину на вид было лет двадцать пять, но я знала из рассказов Татьяны Анатольевны, что ему нет еще и двадцати двух. Юноша был очень симпатичным. Такой парень, наверное, свел с ума немало девушек. Может быть, за его благосклонность разгораются такие же страсти, как когда-то разгорались из-за его отца.

– Да, это Валентин, – подтвердила мои догадки Татьяна Анатольевна, посмотрев на фотографию.

– Значит, вы считаете, что Хохлова не имеет никакого отношения к произошедшему отравлению? – перевел разговор Валера на более деловой тон.

– Нет, конечно, – встрепелась Бурлаева.

– Тогда кто же? – продолжил Гурьев.

Татьяна Анатольевна пожала плечами и растерянно посмотрела на меня.

– Неужели вы никого не подозреваете? – удивился Валера.

– Я даже не знаю, на кого можно подумать, – призналась Татьяна Анатольевна. – У меня в принципе нет врагов.

– Такого быть не может, – заявил Костик.

– Ну я не знаю, – повторилась Татьяна Анатольевна. – Может быть, есть люди, с которыми у меня не очень хорошие отношения, но это же не повод подставлять меня.

– Значит, недоброжелатели есть, – уцепился Валера. – Вы о них рассказали сотрудникам правоохранительных органов?

– Нет, ничего я в милиции не рассказывала. Да меня никто там и не спрашивал. Следователь больше интересовался моим бизнесом, производством. Да и вообще в милиции, по моему, считают, что это все подстроила именно я. Вопросы были слишком уж странные, – задумчиво произнесла Татьяна Анатольевна и тут же добавила: – Но я ни в чем не виновата. Может быть, мне в самом деле стоило провести специальную экспертизу мороженого, которое поступило на вашу программу. В этом мое единственное упущение.

– Хорошо, Татьяна Анатольевна, тогда нам придется самим выяснять, кто мог подсыпать яд в мороженое, если вы никого не подозреваете, – сделала я вывод.

Бурлаева опять неопределенно пожала плечами. Я попросила ее звонить мне в любое время суток, если еще прояснятся какие-то обстоятельства. Татьяна Анатольевна аккуратно

переписала в свою записную книжку номера всех телефонов, по которым меня можно найти, и мы расстались.

Учитывая то, что последняя программа была сорвана, нашей редакции надо было с особой тщательностью готовить очередной выпуск. Кошелев, как и грозился, взял над нами серьезное шефство, которое заключалось в тотальном контроле. Я появилась в редакции только к вечеру, но, несмотря на выходной день, все коллеги были на рабочих местах. Галину Сергеевну Кошелев еще и сегодня вызывал к себе на ковер, где опять выразил свое недовольство прошедшей программой. Моршакова по этой причине сегодня была не в настроении. Я это сразу заметила. Галина Сергеевна сидела за своим столом и нервно перебирала какие-то бумаги. А вот Павлик с Лерой страдали от безделья и, когда я вошла в кабинет, оба радостно вскрикнули.

– Ирина, наконец-то! Ты где была? – поинтересовался Павлик.

– С Валерой и Костиком мы уже проверили конкурентов Бурлаевой, – ответила я, усаживаясь на стуле.

– Ну и как? – с интересом спросила Лера.

– Ничего хорошего, – честно призналась я. – С Коневской беседовал Валера. Он считает, что она вне подозрений, так как ее предприятие занимается не только производством мороженого. А вот с Хохловой пришлось говорить нам.

Последнюю фразу я произнесла каким-то усталым голосом. Лера внимательно посмотрела на меня, а потом спросила:

– Хохлова тоже вне подозрений?

– Не знаю, – ответила я. – Сама Татьяна Анатольевна считает, что Нелли Максимовна не могла пойти на такое преступление, хотя отношения между ними плохие.

Мне пришлось подробно рассказать коллегам о разговорах с Хохловой и Бурлаевой. Даже Галина Сергеевна отложила в сторону бумаги и внимательно выслушала меня, не меняя кислого выражения лица.

– Ну и что вы решили делать дальше, Ирина Анатольевна? – поинтересовалась Лера, когда я замолчала.

– Ума не приложу, – призналась я. – Если бы Бурлаева хоть на кого-нибудь указала, то мы бы уцепились за эту версию.

– Не нравится мне все это, – произнес задумчиво Павлик Старовойтов, покручиваясь на кресле из стороны в сторону. – Что-то эта Хохлова темнит. Ей в лицо бросают такие серьезные обвинения, а она даже разговаривать с вами не хочет. И почему она не рассказала о том, из-за чего поссорилась с Татьяной Анатольевной? В этом же нет ничего страшного. Нелли Максимовна вообще могла бы состроить из себя несчастную жертву неразделенной любви.

– А зачем ей это надо? Хохлова, наверное, уже и забыла о том, что разругалась со своей подругой из-за какого-то старикашки, который все равно в скором времени умер, – предположила Лера. – Что же теперь всю жизнь по нему убиваться?

– Нет, она ничего не забыла, – уверенно сказала Галина Сергеевна, привлекая наше внимание этой фразой. – Если она действительно любила этого человека, то будет помнить о нем всю свою жизнь. Я думаю, что чувство ненависти к Бурлаевой накапливалось в ней постепенно, а когда Нелли Максимовна узнала о том, что ее давняя подруга еще и в программу приглашена, то решила ей устроить подлость.

– Ничего себе подлость, – хмыкнула Лера. – Это же убийство!

– Зато сколько проблем после этого убийства свалилось на голову Татьяны Анатольевны, – заметила Моршакова. – Хохлова именно этого и ждала.

– Ирина, а почему вы не проследили, куда после вашего разговора поехала Хохлова? – поинтересовался Павлик.

– Нам Гурьев позвонил, мы за ним заезжали, – объяснила я.

– Зря! Надо было за этой бабенкой поехать, – произнес Павлик, резко качнувшись в кресле, отчего оно противно скрипнуло, и Галина Сергеевна скривилась еще больше.

– А может быть, зайти с другого конца, – предложила Лера Казаринова, обратившись ко мне.

– Вот и я говорю, что надо этой Хохловой пригрозить, – поддержал Казаринову Павлик, даже не дослушав предложение Леры.

– Я не про это, – строго посмотрела на него Казаринова и опять повернулась ко мне. – Ирина Анатольевна, надо выяснить, как цианид попал в мороженое. Не мог же он там оказаться случайно. Скорее всего яд подсыпали в момент производства продукции на хладокомбинате Бурлаевой. Надо выяснить, кто занимался фасовкой порций с логотипом нашей программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.